

О ГЕНЕЗИСЕ ИДЕЙ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА

М. Захарова

Вопрос о генезисе идей Томаса Джефферсона — идеолога левого демократического направления американской революции XVIII в. — не разработан ни в одном из многочисленных трудов, посвящённых Джефферсону в США.

По существующей традиции, американские авторы ограничиваются изложением биографии Джефферсона и не ставят задачи систематического анализа его мировоззрения. Работы последнего времени, в особенности работы, вышедшие в 1943 г., в связи с двухсотлетием со дня рождения Джефферсона, охотно воздают должное ему как прогрессивному государственному деятелю, но игнорируют его как радикального мыслителя.

Американскими авторами старательно затушёвывается то обстоятельство, что для Джефферсона, как и для представителей левого демократического направления французского просвещения, характерно сочетание критики капиталистических противоречий с критикой пережитков феодализма. Известно, что Джефферсон на примере Англии заклеивал капиталистическую цивилизацию, «превращающую большинство общества в нищих автоматов»¹. Тем не менее американские историки провозглашают Джефферсона «архитектором всей американской системы» и пытаются доказать, что современное капиталистическое общество в США построено по его «архитектурному проекту». И всё это ради того, чтобы сделать Джефферсона приемлемым для филистёрски настроенных уважаемых членов демократической партии.

Этой основной цели подчиняется и вопрос о генезисе идей Джефферсона. Как известно, американская буржуазная историография доказывает тезис о монополии англо-саксов на демократию в прошлом и настоящем; поэтому у американских авторов чаще всего можно встретить утверждение, что для выяснения генезиса идей Джефферсона нет надобности выходить за рамки изучения английской мысли; при этом в самой общей форме делаются ссылки на Локка, но не выясняется степень близости или расхождения с ним Джефферсона. Категорически отрицаются идейное родство Джефферсона с революционной французской мыслью и в то же время затушёвывается влияние на его мировоззрение теоретиков английской революции XVII века.

Ещё Э. Чаннинг объявлял идеи Декларации Независимости «детским делом Англии и Америки» и находил «странным» предположение сэра Генри Мейна о том, что Декларация соединяла в себе французскую идею равенства с английским учением о природной свободе людей². Профессор Калифорнийского университета Раймонд Геттель утверждает, что французские писатели имели на Джефферсона меньше влияние, чем полагают. В качестве предшественников Джефферсона он называет Сиднея и Локка и видит заслугу Джефферсона в том, что он «приспособил» их идеи к американским условиям³. Но в противоречии с этим утвержде-

¹ To S. Kercheval, 12 June 1816; Th. Jefferson «Memoirs, correspondence and private papers». Vol. IV, p. 298. London. 1829.

² Чаннинг Э. «История Соединённых Штатов 1765—1865 гг.», стр. 94. Русский перевод. СПб. 1897.

³ См. Gettel R. «A History of political thought», p. 363. New York. 1924.

нием в другом месте своего труда, говоря о том, что идеи Руссо были мало популярны в Америке, Геттель вынужден всё же признать, что демократическое движение, связанное с именем Джефферсона в начале XIX в., стимулировалось французскими идеями⁴. Историк американской политической мысли Мерриам также взял на себя неблагодарную задачу защищать Джефферсона от обвинений со стороны его политических противников в том, что голова его была «набита» французскими идеями, что он был «руссоистом» и «в мыслях французом». При этом Мерриам утверждал, что французское влияние на Джефферсона было весьма незначительным, и указывал на связь его с английскими революционными мыслителями XVII в., «предвосхитившими не только Джефферсона, но и Руссо»⁵.

Современный историк Клоуд Бауэрс, заявляющий себя последователем Джефферсона и усердно популяризирующий его как «архитектора современной американской системы», утверждает, что Джефферсон был левеллером в Виргинии задолго до того, как левеллеры появились во Франции⁶. Автор забывает при этом, что учение Руссо находило много восторженных сторонников во Франции и далеко за её пределами в то время, когда Джефферсон был ещё юношей. «Локк, а не Руссо — источник его идей», — утверждает Бауэрс. В своей последней, вышедшей в 1945 г. работе этот историк поставил задачу доказать, что Джефферсон не был революционером и «кровавым якобинцем» и что во время пребывания во Франции он не запятнал себя связью с «людьми», обagrившими руки невинной кровью»⁷.

Большой интерес для нас представляет точка зрения проф. Шинара. По признанию этого историка, вся его тридцатилетняя работа над биографией Джефферсона была проникнута стремлением определить степень влияния французской мысли на интеллектуальное развитие автора. Декларация Независимости. Не ограничившись написанием биографии, Шинар задался целью поставить проблему генезиса идей Джефферсона на серьёзную основу публикацией его конспектов и переписки с многочисленными французскими друзьями. Лучше, чем кто-либо другой, автор знаком с многочисленными неопубликованными источниками по интересующему нас вопросу. Однако выводы, к которым пришёл Шинар, заставляют испытывать полное разочарование: проблему генезиса идей Джефферсона он подчинил одной основной идее — доказать, что идеология Джефферсона не была революционной. Шинар считает нужным оправдать Джефферсона от обвинений в том, что он привёз из Франции «доктрину левизма» и был «воплощением якобинизма».

Шинар отказывается признать какое-либо влияние на Джефферсона не только французских просветителей, но и идей английской революции. После опубликования переписки Джефферсона с Дюпон де Немуром Шинар пришёл к выводу, что идейная близость его с физиократами чисто внешняя и что Джефферсон представляет собой «подлинно оригинального философа»⁸. Как об этом свидетельствует название его последнего труда, Шинар считает Джефферсона «апостолом американизма» — доктрины, будто бы ничем не обязанной европейской культуре и представляющей «любопытное обоснование мышления пионеров». Исходя из того, что Джефферсон, как и Лильборн и Уинстенли, считал дофеодальное англо-саксонское прошлое «золотым веком», Шинар не рекомендует

⁴ Gettel R. Op. cit. p. 261.

⁵ Merriam G. «A History of American political theories», p. 145. New York. 1928.

⁶ См. Bowers C. «Jefferson and Hamilton», p. 97. Boston — New York. 1926.

⁷ Bowers C. «The Young Jefferson», p. 419. Boston. 1945.

⁸ Chinard G. «Jefferson — apostle of Americanism», p. XV. Boston. 1939. Эта биография в сокращённом виде вышла в свет специальным изданием на французском языке в 1943 году.

искать источники его идей у Локка, Монтескье или Руссо. Его демократия, говорит он, родилась под символом Хенгиста (Hengist) и Хорсы (Horsa), а не богини Разума⁹.

Однако Шинар не может игнорировать того, что этот идеолог «мышления пионеров» получил классическое образование, владел шестью языками, обладал обширными познаниями в области истории, истории права, истории религии, был мастером английской прозы, знатоком лингвистики. Подлинный сын своего века, он известен также как выдающийся архитектор, музыкант, ботаник, зоолог, естествоиспытатель и изобретатель. Не имея возможности отрицать влияния на мировоззрение Джефферсона его классического образования, Шинар пишет, что, по странной аномалии, «сын пионера» был ближе к греческим и римским республиканцам, чем к философам Лондона, Парижа и Женевы, и что свою концепцию патриотизма он создавал «кирпич за кирпичом», исходя из учения греческих стоиков. Если бы автор желал выразить свою мысль яснее, он должен был бы сказать, что Джефферсон был ближе к античным республиканцам, чем к идеологам конституционной монархии в Англии или к теоретикам просвещённого абсолютизма во Франции. В этом не было бы ничего парадоксального, но было бы ясно, что автор преднамеренно не хочет видеть общности идей Джефферсона с идеями республиканцев нового времени, теоретиков английской республики XVII века.

Ничем не доказывая своего положения, Шинар утверждает, что религиозные сомнения возникли у Джефферсона от чтения Болинброка, хотя из публикаций, сделанных этим историком, явствует, что с Вольтером, Гельвецием и другими французскими авторами Джефферсон был знаком ещё с юности. Обнаружив в юношеских конспектах Джефферсона несколько выписок из сочинения ученика Локка шотландского юриста лорда Кеймса, автор сразу делает заключение, что в теории естественного права учителем Джефферсона был Кеймс, а не Локк¹⁰. В противоречии с этим последним утверждением автор сообщает, что Джефферсон вместе с Пэном принимал участие в разработке теории естественного права, изложенной в «The Rights of Man», и неоднократно заявлял, что разделяет её. К выводу об общности между ними Шинар пришёл, обнаружив в бумагах Джефферсона написанный рукой Пэна документ о подразделении прав человека на два разряда. Ко второму, второстепенному по значению разряду прав гражданских, а не естественных отнесено там и право частной собственности¹¹. В качестве источника общей теории Пэна и Джефферсона Шинар называет на этот раз Бурламаки. Автор не замечает при этом, что отождествление взглядов Джефферсона с теорией столь радикального мыслителя, каким был Пэн, говорит против его концепции о революционности мировоззрения Джефферсона. Шинар не отрицает, что теория Джефферсона получила подтверждение и уточнение во время пребывания последнего во Франции, но, как это ни странно, отказывается признать, что это произошло под воздействием революционной французской мысли, вопреки свидетельству самого Джефферсона, писавшего из Парижа в 1789 г., что американцам нечему учиться у англичан в религии и в политике, ибо англичане остановились на полпути — на английской конституции, которую Джефферсон презрительно именуется «домом на полдороге». Он рекомендует американцам французскую политическую науку и говорит, что она

⁹ Chinard G. Op. cit. 89. Хенгист и Хорса — легендарные вожди древних англосаксов.

¹⁰ Там же, стр. 30.

¹¹ Текст этого интересного документа см. в «The Correspondence of Jefferson and Dupont de Nemours», ed. by Chinard, p. LXXII. Baltimore, 1931.

могла бы принести много пользы для них, осуществляющих свой демократический эксперимент¹².

Противоположной точки зрения на степень французского влияния придерживается немецкий историк Отто Фосслер, по мнению которого во время пребывания в Париже Джефферсон «освободился» от зависимости от английской теории и усвоил черты французской идеологии. Фосслер высказывает мнение, что только во Франции Джефферсон познал энтузиазм революции. Фосслер совершенно неправильно противопоставляет идеологию той и другой революции и в восприятии французского влияния видит некий поворот Джефферсона от идеалов 1776 года. Фосслер иллюстрирует этот поворот заявлением Джефферсона по поводу восстания в Массачусетсе; приветствуя это восстание, Джефферсон заявлял, что «орощение дерева свободы время от времени кровью тиранов и патриотов есть для него естественное удобрение»¹³. Высшую точку «французивания» Джефферсона Фосслер видит в его теории пересмотра конституций и всех законов общества через каждые 19—20 лет с приходом на историческую сцену нового поколения. Автор называет эту теорию утилитарной и рационалистической и полагает, что она была сформулирована под влиянием знакомства с Руссо и ночи 4 августа, но не указывает, что она была революционной¹⁴.

Великие события, свидетелем которых Джефферсон стал в Париже, не прошли, разумеется, для него бесследно, но идеи периодического пересмотра конституции были давно известны в Америке и никоим образом не могут служить доказательством отхода Джефферсона от идей 1776 года. В какой период своей жизни Джефферсон познакомился с произведениями Руссо, с точностью установить невозможно, так как его бумаги и книги за период до 1774 г. были уничтожены пожаром, но имеется достаточно оснований полагать, что это произошло значительно ранее 1789 года.

Историк Беккер, исследовавший Декларацию Независимости в свете истории политических идей, также полагает, что содержащаяся в Декларации философия естественного права является полностью английской. Любопытно, что это утверждение автор противопоставляет точке зрения английских писателей XIX в., в своей вражде против французской революции выдвигавших аргумент, что эта порочная в их глазах философия была французской. Джефферсон, пишет Беккер, подражал Локку, а Локк цитировал Гукера¹⁵. Положение о том, что Джефферсон и его современники заимствовали свою теорию из Франции и находились под влиянием Руссо, происходит, по мнению автора, из того, что именно во Франции теория естественного права получила в XVIII в. наиболее точное и логическое обоснование. Но, заявляет далее Беккер, нет данных о том, что Джефферсон или кто-либо из «отцов нации» был хорошо знаком с французскими авторами, зато имеются в изобилии свидетельства, что они испытывали влияние Локка, который был для них «политическим евангелием»¹⁶. Автор прав в отношении «отцов нации», но, несомненно, ошибается, не делая исключения для Франклина и Джефферсона, являвшихся наряду с Т. Пэнном представителями демократического крыла американской революции и, в отличие от остальных, знавших французский язык, подолгу живших во Франции и, несомненно,

¹² To Th. Paine 17 March 1789. Th. Jefferson. «Memoirs, correspondence». Vol. 11. p. 102.

¹³ To W. Smith. 13 November 1787. Ibidem, p. 267.

¹⁴ Vossler O. «Die amerikanische Revolutionsideale in ihren Verhältnis zu den europäischen Untersuchungen an Th. Jefferson», S. 80, 84, 94. München. 1929.

¹⁵ Becker C. «The Declaration of Independence. A Study in the History of political Ideas», p. 79. New York. 1942.

¹⁶ Там же, стр. 28.

знакомых с передовой французской мыслью, что не прошло бесследно для их мировоззрения.

Ошибается Беккер также и насчёт «политического евангелия», ибо Джефферсону менее всего было свойственно относиться к какой-либо из теорий как к евангелию. Даже и Локка, как мы увидим далее, он воспринимал критически. Следует отметить весьма интересное признание Беккера: поскольку на людей, пишет он, оказывают наибольшее влияние те сочинения, которые проясняют их собственные мысли или хорошо их выражают, то если бы Джефферсон читал Руссо, он оказался бы под сильным влиянием его идей¹⁷. Мы остановимся далее на соображениях о том, мог ли Джефферсон не читать Руссо, пока же необходимо констатировать, что приведённое мнение Беккера означает, по существу, больше чем признание влияния Руссо на Джефферсона, ибо констатирует общность их теорий.

Заслуживают быть упомянутыми соображения, высказанные в одной из ранних работ Бернарда Фей, который отмечал, что хотя идеи Декларации не оригинальны, но она замечательна тем, что переносила их из области мысли в область чувственного¹⁸. В противовес господствующим взглядам на этот вопрос Фей утверждал, что около 1780 г. лучшие умы Америки подпали под французское влияние и Джефферсон, заявлявший, что, создавая Декларацию, он не обращался к какой-либо книге, бессознательно испытывал влияние, идущее из Франции. Не отрицая влияния Локка, Фей высказывал предположение, что содержащаяся в Декларации независимости форма общественного договора и идея абсолютного равенства людей черпала своё вдохновение у Руссо. Автор справедливо отмечает также огромное влияние, оказывавшееся в свою очередь Декларацией во Франции.

Выяснение источников мировоззрения того или иного мыслителя тем сложнее, чем шире круг его интересов и чем большее число авторов оказывало на него влияние. Джефферсон, бесспорно, должен быть отнесён к числу наиболее начитанных и разносторонне образованных людей своего века. От своих современников-соотечественников он выгодно отличался обширными познаниями в области языков и страстью к коллекционированию книг.

Проблему генезиса идей Джефферсона несколько усложняет то обстоятельство, что мировоззрение его не представляет стройной системы взглядов. Для Джефферсона как мелкобуржуазного мыслителя характерно то, что американские авторы называют «замечательной независимостью мышления», иными словами эклектичность его мировоззрения. У любого из известных ему мыслителей Джефферсон воспринимал то, что подтверждало его основную идею, способствовало обоснованию демократического идеала, и не заботился при этом о целостности и последовательности системы своих взглядов в целом. Например, придерживаясь материалистической и сенсуалистической концепции в теории познания, он цеплялся за тезис о врождённом моральном инстинкте, хотя теория врождённых идей была блестяще опровергнута Локком, являвшимся для Джефферсона немалым авторитетом. Отрицая божественность Христа и отвергая христианскую религию, он стремился использовать этическое учение раннего христианства в интересах своего демократического идеала. В этих же целях, не задумываясь над научной ценностью норманской исторической теории, он идеализировал дофеодальное прош-

¹⁷ Беккер С. «The Declaration of independence. A study in the History of political Ideas», p. 28.

¹⁸ Fay В. «The Revolutionary Spirit in France and in America», p. 78—81, 94, 131. New York. 1927.

лое англо-саксов и, подобно Лильборну и Уинстенли, делал из этой теории революционные выводы¹⁹.

Нельзя решить проблему генезиса мировоззрения Джефферсона, если искать это решение только в английских либо только во французских источниках. Мы должны учитывать и античные, и английские, и французские источники. Но особенно важно не забывать решающего момента в формировании мировоззрения Джефферсона: воздействия родной социальной среды и взрастившей его американской революции.

Прежде всего необходимо остановиться на отношении Джефферсона к основным направлениям современной ему французской политической мысли. Некоторые историки считают его «правомерным последователем физиократов»²⁰. Только проф. Шинар, и в этом его заслуга, обратил внимание на наличие существенных разногласий между Джефферсоном и физиократами, но в результате своих изысканий он сделал, с нашей точки зрения, неправильный вывод о полном отсутствии влияния физиократов на Джефферсона, о том, что к известным общим заключениям Джефферсон пришёл независимо от них. Однако неоспоримым свидетельством влияния физиократов на Джефферсона являются его «Заметки о Виргинии». Подобно физиократам, Джефферсон в своих «Заметках» заявляет, что все добродетели исходят от земли, отдаёт решительное предпочтение сельскому хозяйству перед мануфактурой и провозглашает «тружеников земли» — «избранным богом народом» — основой демократической республики. Труд ремесленника он признаёт губительным для морали человека и скопление людей в больших городах — опасным для общества²¹. Убедившись впоследствии в ошибочности своих взглядов, Джефферсон в начале XIX в. отказался от признания исключительного значения сельского хозяйства и стал ратовать за «строгое равновесие» между сельским хозяйством, мануфактурой и торговлей, предлагая поставить работника мануфактуры рядом с сельским хозяином. Сам Джефферсон признавал влияние, оказанное на него физиократами и приведшее его к ошибочным взглядам в прошлом.

В период, когда были написаны «Заметки», к соображениям о непосредственной пользе от сельского хозяйства как лучшего способа приумножения богатства у Джефферсона примешивались теоретические соображения о том, что богатство создаётся лишь сельскохозяйственным трудом, к которому присоединяется мощная энергия земли, возвращающая труженику за одно зерно пшеницы 20—30 и даже 50²². Из этих слов со всей очевидностью явствует, что Джефферсон первоначально испытывал влияние физиократов, но впоследствии преодолел его. Однако важно отметить, что он никогда не разделял физискратической теории в целом. Существенные разногласия Джефферсона с физиократами по вопросу собственности как основе общественного устройства, о предоставлении членам общества политических прав в зависимости от наличия этой собственности, о принципах налогообложения и т. д. получили отражение в продолжавшейся около двадцати лет переписке его с Дюпон де Немуром. Переписка этих двух людей свидетельствует о том, что, несмотря на дружбу, разногласия между ними оставались непримиримыми. Джефферсону претила антидемократическая направленность откровенной классовой буржуазной теории Дюпона о разделении общества на «граждан», владеющих земельной собственностью и политическими правами, и «жителей», которых Дюпон признавал членами «Всеобщей Республики»,

¹⁹ Проф. Шинар на стр. 31 своего труда признаёт, что в обращении к древним англо-саксонским свободам Джефферсон пошёл дальше, чем кто-либо, но, разумеется, у этого автора нет речи о революционных выводах.

²⁰ Beard Ch. «The economic origins of Jeffersonian democracy». New York. 1915.

²¹ Jefferson Th. «Notes on the State of Virginia». Boston. 1832.

²² To B. Austin. 9 January 1816. Th. Jefferson. «Memoirs, correspondence» Vol. IV, p. 276.

которым предоставлял свободу личности и иммунитет от налогов, но которых лишал права участия в государственной власти из страха перед революционными потрясениями²³.

Джефферсон решительно критиковал построенный на этих принципах принадлежавший перу Дюпона проект конституции для южноамериканских республик. Он возражал Дюпону, что общество создается людьми с помощью договора для наилучшего удовлетворения их потребностей, никто из участвующих в нём не может быть лишён равного права участия в создании власти и контроля над нею. «Вы же, — продолжал он, — начинаете с превращения в нули всех индивидуумов, не имеющих земли, а они представляют большинство в обществе, существующем продолжительное время»²⁴. Отдавая должное выдающимся представителям теории физиократов — Кэнэ, Тюрго, Гурнэ, Дюпон де Немуру, — Джефферсон в своём предисловии к трактату Дестю де Трасси о политической экономии писал, что многие их положения опровергнуты. Он отмечал, что наука политической экономии могла находиться в руках физиократов только тогда, когда она была ещё в младенческом состоянии. Положения теории физиократов, продолжал он, оказались «неубедительными и неприемлемыми для народа, чья воля должна быть высшим законом»²⁵. Рекомендуя труд Дестю де Трасси, он противопоставлял тезису физиократов об источнике богатства точку зрения Адама Смита и Ж. Б. Сэя.

Ещё одним свидетельством влияния французской мысли на Джефферсона в период формирования его мировоззрения является конспект «Духа законов» Монтескье. Публикуя этот конспект в 1925 г., Шинар видел в нём свидетельство того, что Монтескье был одним из учителей Джефферсона, но впоследствии Шинар, как мы видели, изменил свою точку зрения. П. Спэрлин, автор докторской диссертации «Монтескье в Америке», считает, что в определённый период жизни Джефферсона влияние Монтескье на него было решающим²⁶. Борьбу против идей Монтескье, указывает Спэрлин, Джефферсон начал уже тогда, когда Монтескье стал общепризнанным авторитетом в Америке и в реакционных кругах использовался творцами конституции.

Однако, говоря о влиянии Монтескье на Джефферсона, надо иметь в виду, что Джефферсон составлял свой конспект критически. Выписывая некоторые положения из «Духа законов», он сопровождал их своими замечаниями об илесе народного суверенитета, возможностях коррупции демократии, об опасности для неё постоянных армий, он солидаризировался с осуждением рабства, одобрительно комментировал соображения об отделении церкви от государства и изменчивости законов; Джефферсон отмечал строки, где Монтескье констатировал, что собственники земель в американских колониях представляют собой не более чем арендаторов, к тому же лишённых и всех преимуществ торговли²⁷. Но англомагия Монтескье и его преклонение перед английской конституцией уже тогда производили неприятное впечатление на молодого Джефферсона, захваченного движением против метрополии. Весьма знаменательно, что в конспекте Джефферсона отсутствуют те наиболее популярные в США части труда Монтескье, которые посвящены истории Англии, популяризации английской конституции и принципу разделения властей; он имел, очевидно, о них своё сложившееся мнение. Во время пятилетнего пребывания во Франции Джефферсон, несомненно, познакомился с критикой

²³ A. Th. Jefferson, 12 December 1811. «The correspondence of Jefferson and Dupont de Nemours», ed. by Chinard, p. 173. Baltimore. 1931.

²⁴ To Dupont de Nemours, 24 April 1816. Ibidem, p. 256—259.

²⁵ The Complete Jefferson, containing his major writings», p. 370. New York. 1943.

²⁶ Spurlin P. «Montesquieu in America», p. 155. Louisiana. 1940.

²⁷ См. «Pensees choisies de Montesquieu, tirées du Common place book de Th. Jefferson». Etudes françaises. Paris. 1925.

Монтескье. По возвращении в США он был поражён переменами, происшедшими за время его пятилетнего отсутствия, и значением, которое приобрели теории Монтескье при выработке конституции США в 1787 году. Джефферсон убедился в необходимости борьбы с растущим влиянием идей Монтескье. Дело в том, что авторитет Монтескье был использован в США для максимального выхолащивания демократических элементов из новой конституции. Свидетельством этому могут служить 85 номеров «Федералиста», в которых дано теоретическое обоснование новой конституции. Авторы его — Гамильтон, Джей и Мадисон, — опираясь на идеи Монтескье, доказывали, что осуществление принципа разделения властей является достаточной гарантией свободы и что республика на столь обширной территории, как США, сможет оказаться жизнеспособной лишь в том случае, если её конституция будет как можно более точно воспроизводить конституцию британского типа²⁸.

Джефферсон констатировал вредное пристрастие Монтескье к монархии, в особенности к английской. Наиболее ожесточённым нападком с его стороны подверглось положение Монтескье, что природа республики требует маленькой территории, его категорическое утверждение, что без этого «она не сможет существовать»; ибо, если она велика, то погибнет вследствие внутренних несовершенств и пороков²⁹. В опровержение этих положений Джефферсон приводил опыт существования республики в США и во Франции и утверждал, что для существования республики необходима обширная территория, чтобы местный эгоизм не мог взять верх, ибо чем меньше размеры общества, утверждал он, тем сильнее в нём элементы раскола³⁰. В 1800 г. после блестящей победы над своими политическими противниками — федералистами, которых Джефферсон никогда не переставал подозревать в стремлении к установлению в США монархии британского типа и которые одержали верх на конституционном конвенте в 1787 г., Джефферсон писал, что если бы территория США представляла одну треть того, что она есть, «мы бы пропали». Этого не случилось, продолжал он, потому, что когда заблуждение охватило часть страны, остальные части продолжали оставаться незатронутыми, пока их собратия смогли оправиться³¹.

Почти в два раза увеличив территорию США покупкой Луизианы у Наполеона в 1803 г., Джефферсон был убеждён, что действует вопреки теории Монтескье, но в интересах республиканизма. Однако он был озабочен тем, что в политической теории «парадоксы» Монтескье продолжают оставаться непровергнутыми, и поэтому горячо приветствовал и рекомендовал к распространению в США труд своего друга Дестю де Трасси, направленный против Монтескье³². Джефферсон сам перевёл его на английский язык и напечатал в США. Таким образом, книга эта впервые вышла в США, а не во Франции, где в 1811 г. она не могла быть напечатана из-за содержащихся в ней республиканских идей. Благодаря Дестю де Трасси за блестящее опровержение Монтескье, Джефферсон признал, что в своё время он отдал дань сочинению Монтескье «Вместе со всем миром, — писал он, — я расценивал труд Монтескье как обладающий большими достоинствами, но со всеми мыслящими людьми я увидел в нём много ложных и неприменимых принципов, ставящих под вопрос всю его ценность»³³.

²⁸ Hamilton A., J. Fay, J. Madison «The Federalist. A commentary on the constitution of the United States». Washington. 1937.

²⁹ «Pensées choisies», p. 43.

³⁰ To M-r Divernois, 6 February 1795. The Jefferson. Memoirs. Vol. III, p. 31.

³¹ To Nathaniel Niles, 22 March 1801. P. M. Spurlin. Op. cit., p. 245.

³² Destutt de Tracy «Commentaire sur «L'esprit des lois de Montesquieu». Paris. 1819.

³³ To Destutt de Tracy, 26 January 1811. Th. Jefferson. «Memoirs, correspondence etc». Vol. III. p. 163

Таковы существенные расхождения между Джефферсоном, с одной стороны, физиократами и Монтескье, с другой. Можно ли на основании их делать, подобно проф. Шинару, вывод, что Джефферсон был «за много миль от французской философии»?³⁴

Преклонение Монтескье перед английской конституцией с её основным принципом компромисса, равно как и доктрина физиократов, считавших частную собственность незыблемой основой общества, подвергались критике и в самой Франции³⁵. Сийесу, Кондорсе, Мабли и др. было чуждо восхищение английской монархией. Мабли обращал внимание на необходимость проверять Монтескье показаниями Локка, подчёркивая тем самым, что Монтескье не был оригинален. Критика теории физиократов и Монтескье шла со стороны представителей левого демократического течения во французском просвещении, отражавшем интересы мелкой буржуазии, чьи устремления в США выражал Джефферсон. Размежевание во взглядах происходило, как мы видим, не по национальному, а по классовому принципу.

Значительно ближе к Джефферсону стояли представители младшего поколения французских просветителей. Он неоднократно заявлял о своём согласии во взглядах с Кондорсе на роль прогресса и на способность человечества к совершенствованию. Он очень ценил и рекомендовал для подрастающего поколения США наряду с работами Локка, Джемса Стюарта и Цицерона труд Кондорсе «*Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain*»³⁶. Республиканские идеи этого сочинения в 1789 г. он расценивал, как свидетельство превосходства французской политической мысли над английской, «не решающейся задумываться над такими величайшими нелепостями, как алтарь и трон»³⁷.

Наибольший интерес представляет отношение Джефферсона к учению Руссо. Американские историки отрицают всякую возможность влияния Руссо на Джефферсона на том основании, что отсутствуют документальные подтверждения знакомства Джефферсона с произведениями Руссо. На это вполне резонно можно было бы заметить, что не существует также и обратных свидетельств о том, что Джефферсон Руссо не читал. Бумаги и конспекты Джефферсона за период до 1774 г. были уничтожены во время пожара в его доме; но вполне вероятно, что, зная с детства французский язык, он успел уже познакомиться с Руссо до тридцатилетнего возраста. В литературном наследии Джефферсона мы встречаем имена всех без исключения выдающихся представителей французской мысли: Вольтера, Гельвеция, Дидро, Расина, Кэнэ, Тюрго, Рейналя, Бюффона, Декарта, Гассенди, Монтеня и многих других. Живя в Париже, Джефферсон был членом кружка вдовы Гельвеция; он был лично знаком со многими людьми, оставившими заметный след в развитии французской мысли: с Кабанисом, Кондорсе, г-жой Сталь, Вольнеем, Лафайетом, Дюпон де Немуром, Дестю де Трасси; почти до самой смерти вёл переписку с Жаном Баптистом Сейем, Огюстом Контом и др. Все томы сочинений Мабли вместе с полным комплектом Энциклопедии были отправлены им из Парижа на родину для себя и для Мадисона.

Невольно возникает вопрос: почему этот энциклопедически образованный и любознательный человек стал бы игнорировать Руссо, с которым столь много сближало его? Приходится предположить, что либо Джефферсон намеренно избегал ссылок на Руссо, не желая лишний раз подвергаться обвинениям в пристрастии к радикальным французским теориям либо его замечания о Руссо просто остались нам неизвестными,

³⁴ The correspondence of Th. Jefferson and Dupont de Nemours. Introduction.

³⁵ Mablі G. «Doutes proposees aux philosophes economistes». Oeuvres. T. XI.

³⁶ «The Complete Jefferson», p. 1043.

³⁷ To col. Humphreys. 18 March 1789. Th. Jefferson «Memoirs, correspondence». Vol. II, p. 448.

как и переписка с Пэном и многое другое из его до сих пор неопубликованного наследства.

Однако общность взглядов обоих мыслителей по ряду основных вопросов политической теории выступает со всей очевидностью даже при беглом рассмотрении. Для них обоих характерно соединение критики феодальных порядков с критикой растущих капиталистических противоречий. Подобно Руссо Джефферсон не относил собственности к числу естественных, вечных и незыблемых прав человека, а рассматривал её как институт, исторически преходящий, относящийся к разряду прав гражданских, устанавливаемых законами данного общества и не обязательный для всех остальных³⁸. Как у того, так и у другого мы встречаем формулу «право на труд» и соединение представления о собственности с трудом. И Руссо и Джефферсон, следуя Локку, отстаивали «право на революцию». Руссо сравнивал действие революции на общественный организм с благотворным влиянием кризиса на организм человека во время болезни. Джефферсон говорил об очищающем действии политических бурь, столь же необходимых, как и бури в мире физическом³⁹ и мечтал о том, чтобы «дерево свободы» удобрялось кровью тиранов и патриотов не реже чем каждые 20 лет⁴⁰. Джефферсон, как и Руссо, провозглашал идеи народного суверенитета и равенства всех людей⁴¹, причём выражал свои мысли в очень близких к Руссо выражениях.

Оба они, следуя Гаррингтону, исходя из имущественных отношений, материалистически решали вопрос о происхождении форм власти, ассоциируя более или менее равное распределение земельной собственности с демократической республикой, крупное землевладение с аристократической формой правления и концентрацию земельных богатств в руках одной династии с монархией⁴². В интересах сохранения свободы Руссо полагал необходимым, чтобы народ периодически собирался для решения вопроса о том, желает ли он сохранить существующую форму власти и оставить правительство в руках тех, у кого оно, в данный момент находится⁴³. Джефферсон ту же идею периодического пересмотра конституций и даже всех общественных институтов сформулировал в более развернутой и категорической форме.

В том, что идея периодического пересмотра конституции была сформулирована Джефферсоном в Париже в сентябре 1789 г., некоторые историки готовы видеть доказательство его «офранцузивания», влияния Руссо и ночи 4 августа⁴⁴. Совпадение дат, несомненно, знаменательно, но можно ли на основании этого утверждать, что Джефферсон заимствовал эту идею непосредственно у Руссо и затем развил её? Идея периодического пересмотра конституций имеется уже у Альжернона Сиднея, на которого наряду с Локком Джефферсон часто ссылается. Она была известна американцам задолго до 1776 г. и встречалась ещё в колониальных конституциях, например, в пенсильванской. Уже в первом конституционном проекте Джефферсона, датированном 1776 г., мы встречаем идею народного референдума, как обязательного условия принятия конституции. Заимствовал ли Джефферсон её тогда у Руссо, или оба они черпали из сокровищницы революционных английских идей XVII века? Последнее представляется более вероятным, ибо проект конституции Виргинии 1776 г. обнаруживает некоторые черты

³⁸ To J. Madison, 9 September 1789. Th. Jefferson «Memoirs, correspondence». Vol. III, p. 28.

³⁹ To J. Madison, 30 January 1787, Th. Jefferson «Memoirs». Vol. II, p. 85.

⁴⁰ To W. Smith. 13 November 1787. стр. 267.

⁴¹ Declaration of Independence, там же, Т. I, стр. 16.

⁴² Harrington J. «The Commonwealth of Oceana», p. 211. London. 1887.

⁴³ Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре», стр. 83, М. 1938.

⁴⁴ Vossler O. Op. cit., p. 118.

сходства с таким, вероятно, известным также и Руссо документом, как «Agreement of the people»⁴⁵.

И Джефферсону и Руссо свойственна половинчатость и непоследовательность в критике капиталистических противоречий. Они предлагали «ограничить зло», а не уничтожить его; искали выхода в укреплении мелкого хозяйства, в защите его от разрушающих сил капитализма. Поэтому общественный идеал и того и другого отмечен реакционными чертами, направлен к тому, чтобы задержать ход развития, повернуть вспять колесо истории. Положительная программа как Руссо, так и Джефферсона наряду с глубокой и серьёзной критикой существующих противоречий характеризуется умеренностью и даже беспомощностью. Средство к устранению неравенства они готовы видеть в столь ограниченных мероприятиях как введение законов о равном наследовании, освобождении мелких хозяйств от налогов и т. д.

Несмотря на наличие отдельных черт сходства в мировоззрении обоих мыслителей следует подчеркнуть, что между ними есть значительные расхождения.

Руссо мыслил гораздо глубже и видел дальше Джефферсона. Это объяснялось значительно большим по сравнению с американским классовым расслоением европейского общества в ту пору. Источник всех страданий человечества Руссо искал в частной собственности, в то время как Джефферсон, находившийся в плену процветавшего в США мелко-собственнического фермерского хозяйства (при избытке свободных земель), находит этот источник всего лишь в несовершенстве форм политической власти и готов видеть спасение от всех зол в демократической республике. Зато в своём республиканизме Джефферсон значительно последовательнее Руссо, который подобно Монтескье связывал представления о республике с небольшой территорией.

В то время как Руссо, отражавший обречённость при капитализме мелкой буржуазии как класса, был глубоким пессимистом, убеждённым в том, что светлая пора юности человечества миновала, что цивилизация оказывает на него пагубное воздействие, Джефферсон является поборником прогресса. Вместе с Кондорсе он страстно верит в светлое будущее, в то, что оно придёт с просвещением широких масс и с неизбежным спутником этого просвещения — революцией⁴⁶.

Наиболее характерной чертой политической теории Джефферсона является республиканизм, но здесь не французские просветители были его учителями, а скорее Джефферсон был их учителем. С юношеских лет он исповедывал тираноборческие и республиканские идеи и был весьма далек от французских теорий просвещённого абсолютизма, демократической монархии или «монархической республики». Русский учёный Максим Ковалевский⁴⁷ со всей убедительностью показал, что Декларация Независимости и революционные конституции штатов, в особенности пенсильванская, оказывали огромное влияние на формирование республиканских взглядов Кондорсе, Бриссо, Сийсса, К. Демулена, Мабли и др. Мабли особенно ценил, что американцы принялись за претворение в жизнь идей республиканизма и народного суверенитета. «Вместо того чтобы призвать нового повелителя, подобно тому как это сделали Нидерланды,— писал Мабли,— они решили создать у себя престол свободы. Во всех своих конституциях они возвышаются до

⁴⁵ Ср. «Proposed constitution for Virginia. The complete Jefferson. New York. 1943 и «Agreement of people». The Levellers tracts 1647—1653, ed. by W. Haller and G. Davies. Columbia University. 1944.

⁴⁶ То J. Adams, 4 September 1823. Th. Jefferson «Memoirs, correspondence». Vol. IV, p. 387.

⁴⁷ Ковалевский М. «Происхождение современной демократии». Т. I. Части III и IV — «Англомания и американофильство».

принципов естественного права, признавая аксиомой, что всякая политическая власть источником своим имеет народ»⁴⁸.

Но кого же называл своими учителями сам Джефферсон? Его обвиняли в том, что Декларация Независимости скопирована со второго трактата Локка и что в ней нет идей, которые бы не обсуждались в конгрессе за два предшествующих года. Он отвечал на это, что Декларация «не претендовала на оригинальность принципов и построений, но и не была скопирована с какого-либо из предшествующих сочинений: её целью было воплощение американского духа... Всё её влияние основывалось на гармоническом выражении настроений дня, высказываемых в разговорах, письмах, печатных изданиях и основных книгах публичного права, таких как Аристотель, Цицерон, Локк, Сидней и др.⁴⁹. В доме Джефферсона висели портреты Бэкона, Локка и Ньютона, и он называл их своей «троицей» наиболее великих людей⁵⁰. В качестве своих учителей по материализму он вновь указывал на Локка, а также на Джемса Стюарта и Дестю де Трасси⁵¹. В то же время Дидро, Д'Аламбера, Гольбаха и Кондорсе он относил к разряду «самых добродетельных», а Гельвеция считал «одним из самых лучших людей на земле»⁵².

Едва ли может быть назван хотя бы один революционный мыслитель XVIII в., который избежал бы могучего влияния философской и политической теории Локка. Вольтер, Монтескье, Дидро, Д'Аламбер, Руссо сами указывали, что испытывали влияние Локка. Хотя Локк и был «в религии, как и в политике, сыном классового компромисса»⁵³, но он развил и блестяще обосновал идею «права на революцию», из которой исходили многочисленные его последователи, в том числе и Руссо и Джефферсон. «Если народ несчастен и подвергается злоупотреблениям произвольной власти, — писал Локк, — то считайте его правителей, если вам угодно, сынами Юпитера, пусть они будут священны и божественны, пусть они сплзшли с неба или получили от него свою власть, выдавайте их за кого вам угодно, — произойдёт всё равно то же самое; оскорбляемый противно всякому праву народ будет готов при каждом удобном случае сбросить со своей шеи тяготеющее на нём ярмо»⁵⁴. Из формулировок, подобных этой, а ими изобилует второй трактат Локка, следовало, что революции неизбежны до тех пор, пока существует угнетение. В век буржуазной революции эта идея оказывала великое революционизирующее влияние на передовые умы во Франции и в Америке.

Будучи свидетелем двух грандиозных революционных бурь, Джефферсон не мечтал, подобно Локку, о наступлении «спасительного затишья». Он предсказывал новые революционные потрясения в США и во Франции и на пороге смерти, 80 лет от роду, приветствовал каждое революционное выступление, где бы оно ни происходило, и неизменно верил в его успех. Уходя из жизни, он продолжал считать революционные завоевания самым драгоценным из того, что человек может оставить своему потомству. «Чтобы революция достигла цели, — писал он в 1823 г., — быть может, и нужно будет пролить потоки крови и вынести годы пусто-

⁴⁸ M a b l i G. «Des Etats Unis d'Amerique». Oeuvres. T. VIII, p. 390.

⁴⁹ Boyd J. «The declaration of Independence. The Evolution of the Text», p. 12. Washington 1943.

⁵⁰ A n a s «The Complete Jefferson», p. 1210.

⁵¹ T o J. A d a m s, 15 August 1820. Th. Jefferson «Memoirs, correspondences» Vol. IV, p. 343.

⁵² T o Th. L a w, 13 June. 1814. The Complete Jefferson, p. 1032.

⁵³ Энгельс — Конраду Шмидту. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 384. М. 1931.

⁵⁴ Locke J. «Two Treatises on government». Works. Vol. II, p. 231. London: 1751.

шений, но цель заслуживает этого, ибо может ли человек оставить потомству наследие более драгоценное»⁵⁵.

Справедливо, что Декларация Независимости имеет некоторое сходство со вторым трактатом Локка о правительстве. В предисловии к нему Локк ставил целью оправдать перед миром народ Англии, «любовь которого к своим подлинным естественным правам и твёрдая решимость к их сохранению спасла нацию, когда она была на краю гибели и рабства»⁵⁶. Следуя Локку и Мильтону, который в одном из своих лучших произведений, «Eikonoclastes», также ставил целью оправдать англичан, отправивших на эшафот Карла I, Джефферсон стремится к оправданию революционных действий американцев: «Должное уважение к мнению человечества, — говорит он, — обязывает этот народ изложить причины, побуждающие его к отделению»⁵⁷. И далее, как у Мильтона и у Локка, идёт речь о длинной цепи злоупотреблений, вынудивших эти действия.

Очень важно выяснить пункты расхождения Джефферсона с Локком. Они не были единомышленниками в основном вопросе политической теории — в вопросе о частной собственности. Локк не делал различия между двумя первыми и третьим членом в известной формуле революционной буржуазии — «жизнь, свобода и собственность». «Взаимное охранение жизни, свободы и имущества, которые я называю общим именем собственности, — писал Локк, — является той великой целью, ради которой люди объединились в общество»⁵⁸. Джефферсон заменил в этой формуле «собственность» — «стремлением к счастью» и отнёс собственность к категории гражданских прав, свойственных устанавливаемым самим обществом законам.

Локк не был учителем Джефферсона также и в вопросе о форме политической власти. Являясь идеологом крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, он стоял на позициях умеренности и компромисса с монархией. Блестящая аргументация второго трактата была направлена не против монархии вообще, а лишь против её абсолютной формы. У Локка тиран, нарушивший права своих ближних, — «общий враг» и «чума» всего человечества. Находиться под властью абсолютного правителя всё равно, что быть пожираемым львами... Даже всесильное большинство не имеет права устанавливать абсолютную форму власти. Локк не жалеет красноречия и уподобляет такого монарха иноземному агрессору, призывая противостоять ему силой, как покушающемуся на достояние целого народа⁵⁹. Но свой трактат Локк предназначал не для разрушения тронов, а для укрепления трона «великого освободителя» — короля Вильгельма. Из его положения, что монарх — всего лишь слуга народа, легко прийти к полному отрицанию монархии. Но этого последнего шага он не сделал, а остановился на конституционной монархии, в которой выдвинувшие его классы видели верную гарантию защиты своих интересов от покушений со стороны демократии. Для Джефферсона, отрицавшего всякий компромисс с королевской властью и считавшего её институтом, «глубоко враждебным интересам общества», такой шаг был облегчён историческим опытом полуторавекового развития американских колоний, существовавших в условиях, фактически весьма напоминавших республиканский строй. В своём республиканизме Джефферсон следовал не Локку, а тем английским революционерам и республиканцам, которые, по словам Ленина, ещё в XVII в. расправились с неограниченной монар-

⁵⁵ То J. Adams, 4 September 1823. Th. Jefferson. «Memoirs, correspondence». Vol. IV, p. 342.

⁵⁶ Locke J. Op. cit.

⁵⁷ The Declaration of Independence. Th. Jefferson. «Memoirs, correspondence», Vol. I, p. 16.

⁵⁸ Locke J. Op. cit., p. 235.

⁵⁹ Там же.

хней довольно демократическим образом⁶⁰. Учителями Джефферсона в республиканизме были, по нашему мнению, не Локк и не французские просветители, а теоретики английской республики XVII в.— Мильтон и Гаррингтон. Американская историография в вопросе о генезисе мировоззрения Джефферсона не уделяет никакого внимания ни Мильтону, ни Гаррингтону, и это тем более удивительно, что и тот и другой являются выдающимися теоретиками республиканизма, а республиканские идеалы проходят красной нитью через всю политическую теорию Джефферсона. Курьёзно, что проф. Шиннар упоминает о Мильтоне всего один раз, когда рассказывает об испытываемых юношей Джефферсоном страданиях от несчастной любви и заимствованных им в связи с этим из Мильтона и Эврипида настроениях женоненавистничества⁶¹. Наряду с Шекспиром Мильтон был любимым поэтом Джефферсона с детских лет. Идеи этого крупнейшего публициста английской революции в области свободы слова, печати, личности, отделения церкви от государства, народного образования, идеи, значительно опережавшие свой век, не могли не встретить живого отклика у Джефферсона и не оказывать воздействия на формирование его мировоззрения.

В «Eikonoclastes»⁶², перечисляя преступления Карла I перед народом и оправдывая его казнь, Мильтон доказывает, что Карл, как и другие короли, заботился не о благе всего народа, а лишь о своём собственном и являлся поэтому не более как тираном, заслужившим жестокое наказание. Исходя из того, что править должны лучшие и самые мудрые, Мильтон поддерживал Кромвеля, пока не разочаровался в его политике. Разочарованный в диктатуре Кромвеля, Мильтон пришёл к осуждению всех форм единоличной власти и выступил со страстной защитой «Свободной республики» («Free Commonwealth») в роковой для неё час, накануне реставрации. «Какое из правительств, — писал он в 1660 г., — ближе подходит к учению Христа, чем свободная республика, где великие лишь слуги народа и его работники. Они не возвышаются над своими братьями, а, пренебрегая собственными интересами, скромно живут со своими семьями, ходят по улице как и все остальные; с ними можно говорить свободно, дружественно, без обожания...»⁶³. Страстная защита республики Мильтоном осталась «гласом вопиющего в пустыне».

Остановимся несколько подробнее на гениальном для своего времени учении Джемса Гаррингтона о соотношении между распределением земельной собственности и формами политической власти (government follows the balance of landed property), учении, оказавшем мощное влияние на последующее развитие республиканской мысли.

В числе испытавших это влияние английских мыслителей исследователи называют ряд выдающихся имён, начиная с современников Гаррингтона; членов учреждённого им клуба «Рота», — автора первого труда по политической экономии Вильяма Петти и выдающегося республиканца Генри Невилля и кончая Сиднеем, Шефтсбери, Пэнном, Локком, Боллингброком, Джоном Беллерсом и Робертом Оуэном⁶⁴. Гаррингтон был известен и во Франции, с ним был знаком Монтескье; влияние «Океании» Гаррингтона заметно на конституционных проектах Сийеса; высказывается предположение, что это влияние распространялось и на Сен-Симона и его учеников. Особенно сильным, бесспорно, было влияние Гаррингтона в Америке. «Океания» содержала в себе пророчество американской революции. Гаррингтон говорил в ней о колониях, остающихся таковыми, пока они в младенческом состоянии и не могут

⁶⁰ См. Ленин, Соч. Т. XVI, стр. 608.

⁶¹ Chinard G. «Jefferson — apostle of Americanism», p. 22.

⁶² Milton J. Prose Works. Vol. I.

⁶³ Milton J. «Ready and Easy Way». Prose Works. Vol. II, p. 116.

⁶⁴ Smith R. «Harrington and his Oceana. A study of a 17th century Utopia and its influence in America», p. 137, 205. Cambridge. 1914.

жить без материнской груди; но когда они становятся взрослыми, то напрасно истощают себя, оставаясь на положении грудных младенцев. «Океания» представляла собой глубокий и всесторонне разработанный проект демократической республики, намечавший путь к независимости.

Р. Смит, исследовавший вопрос о влиянии идей Гаррингтона на передовых людей Америки, прослеживает это влияние на конституциях трёх образовавшихся вслед за выходом в свет «Океании» колоний: Каролины, Нью-Джерси и Пенсильвании. Конституция последней, по мнению автора, столь близко напоминает «Океанию», что можно говорить о плагиате Пэнна у Гаррингтона⁶⁵. Р. Смит устанавливает, что под влиянием учения Гаррингтона находились два выдающихся идеолога американской революции — Джеймс Отис и Джон Адамс — и упоминает о существовании принадлежавших последнему двух экземпляров «Океании». Адамс высоко ценил учение Гаррингтона о зависимости между формами государственной власти и распределением собственности и сравнивал установление этой зависимости с открытием Гарвеем кровособращения в организме человека. Будучи теоретиком федералистской партии, выражавшей интересы крупной буржуазии, Адамс брал консервативную часть учения Гаррингтона (которую творец «Океании» предназначал служить гарантией против «крайностей демократии») — его проект отдельной высшей палаты, построенной на высоком ииущественном цензе, а также систему разделения и равновесия властей. Демократическое распределение собственности, говорил Адамс, обеспечивается тем, что в Америке ^{19/20} земель находится в руках народа, поэтому необходимы меры защиты интересов богатства от покушений со стороны демократии. Идеи Гаррингтона оказали большое влияние на создание конституции США, терминология Гаррингтона «superstructure», «foundation», «checks and balances», «balance of power and property», «rotation» и т. д. была в большом ходу у «отцов нации» и творцов конституции: Вашингтона, Адамса Гамильтона, Джея Мадисона и др. Чарльз Бэрд обращает внимание на то, что авторы «Федералиста» — Гамильтон, Джей и Мадисон — широко пользовались положениями и аргументацией Гаррингтона, и оспаривает на этом основании у европейских мыслителей XIX в. пальму первенства в учении об экономическом детерминизме. По его мнению, пальма первенства принадлежит Джеймсу Мадисону и за полтора столетия до него — Гаррингтону⁶⁶.

В библиотеке конгресса в Вашингтоне, как сообщает Р. Смит, каждый желающий может видеть экземпляр «Океании», принадлежавший Джефферсону, с его пометками. Но автор не считает, очевидно, заслуживающим внимания вопрос о влиянии Гаррингтона на Джефферсона и не останавливается на нём. В своём конспекте «Духа Законов» Джефферсон отмечает значком «sic» имя Гаррингтона в том месте, где Монтескье говорит о том, что Гаррингтон мечтал лишь о республике для Англии, в то время как толпы писателей находили хаос во всём, что не имело короны. На этом месте Джефферсон прерывает свой конспект

Нам неизвестны ссылки Джефферсона непосредственно на этого выдающегося теоретика республиканизма, он не цитирует и не конспектирует Гаррингтона. Тем не менее представляется, что его влияние на Джефферсона было наиболее сильным, причём последний интерпретировал Гаррингтона в интересах своей демократической концепции и брал демократическую сторону его учения. Положение Гаррингтона о соотношении между «основанием», т. е. распределением земельной собственности, и «надстройкой», т. е. формами политической власти⁶⁷,

⁶⁵ Smith R. Op. cit. p. 169.

⁶⁶ Beard Ch. «An economic interpretation of the Constitution of the United States», p. 14. Washington. 1913.

⁶⁷ Harrington J. «The Commonwealth of Oceana», p. 39.

Джефферсон положил в основу своего социального идеала — республики мелких земельных собственников.

В качестве своих предшественников Гаррингтон называет Фукидида, Макиавелли и Бэкона.

Упомянув об этих мыслителях, Гаррингтон говорит, что они недостаточно чётко сформулировали самую главную, с его точки зрения, мысль — мысль о равновесии между властью и собственностью. В предисловии к «Океании» он пишет об отмеченном Бэконом глубоким и достойном восхищения стремлении Генриха VII установить определённые размеры хозяйств земледельцев и сохранить за ними количество земли, необходимое, чтобы подданные были обеспеченными и «не принижены рабской зависимостью», чтобы плуг сохранялся в руках собственника, а не наёмника. Таким путем, полагал Гаррингтон, Бэкон намеревался получить тот тип государства, который изображается Виргилием в древней Италии⁶⁸. Излагая далее в «Океании» свою концепцию английской истории, Гаррингтон снова возвращается к реформе Генриха VII и к идеям Бэкона, произведшим на него столь глубокое впечатление. Установление Генрихом земельного чадела в 20 акров и выше, говорит он, давало жителям возможность не превращаться в нищих или наёмных работников (cottager), быть зажиточными (a man of some substance), иметь слуг и батраков и, таким образом, приводить в движение свой плуг. Гаррингтон вместе с Бэконом видели величайшую заслугу Генриха VII в разрушении владений крупных сеньоров и переходе большей части земель во владение крестьянства и средних классов⁶⁹. Его преемник — Генрих VIII — продолжал политику отца, отдав земли князей церкви новому дворянству. Елизавета, продолжает Гаррингтон, также не покровительствовала знати. В результате всего этого при Стюартах стало уже очевидным, что монархия лишилась своей опоры в крупном землевладении, ибо в огромной степени увеличилось количество владельцев земель, и монархия, следовательно, должна была уступить место республике.

Нарушенное равновесие формулирует свой железный закон Гаррингтон, может быть восстановлено либо новым перераспределением собственности (т. е. восстановлением крупного землевладения) либо изменением форм власти в пользу республики, что легче и, следовательно, реально более осуществимо. Восхваляющий Панургуса (Генриха VII) автор, говорит Гаррингтон о Бэконе, не имел в виду, что «пашня, дающая хорошего солдата, даст также и хорошую республику». Но где «собственник плуга, — продолжает Гаррингтон, — владеет также и мечом, он употребит его для своей собственной защиты»⁷⁰.

Гаррингтон различал три формы государственной власти, в зависимости от распределения земельной собственности. Если всей территорией или тремя её четвертями владеет один человек, то он является «великим сеньором» и его власть представляет абсолютную монархию, как, например, в Турции. Если основной частью земли владеют немногие, аристократия или духовенство, то государство представляет собой смешанную монархическую форму, примером которой может служить Испания, Польша или Океания (Англия). Если весь народ представляет собой землевладельцев или же владеет землями, распределёнными среди него так, что ни один человек или известное количество лиц не превешивает, то государство представляет собой республику⁷¹.

Гаррингтон разъясняет, что под собственностью он понимает землю, товары и деньги, но важнейшим её видом признаёт землю (делая исключение для Генуи и Голландии). Предвосхищая физиократов и Джеффер-

⁶⁸ Harrington J. Op. cit., p. 12.

⁶⁹ Там же, стр. 59.

⁷⁰ Там же, стр. 18.

⁷¹ Там же, стр. 211.

сона, он утверждает, что «земледелие есть хлеб нации, оно есть мощный питомник силы, лучшая армия и наиболее обеспеченное существование»⁷². Как и его последователи в XVIII в., он идеализирует и поэтизирует труд земледельца. Земледелие он считает самым невинным, наиболее спокойным и менее всего честолюбивым занятием. Вот почему он, Гаррингтон, присоединяется к Аристотелю в вопросе о том, что республика фермеров должна быть лучше всех других⁷³. Надо, впрочем, заметить к чести Гаррингтона, что он, не в пример своим ученикам XVIII в., заботился о том, как бы преимущества сельского хозяйства не привели к расстройству мануфактуры и торговли.

Основой идеальной республики Гаррингтона является «аграрный закон» (agrarian law) и избирательный закон (ballot). «Закон, — пишет он, — устанавливающий равновесие земельной собственности, называется аграрным и был впервые установлен самим богом, разделившим Ханаанскую землю... Без аграрного закона не может существовать долго ни одна форма власти»⁷⁴. Пункт 13-й конституции «Океании» предлагает уничтожение существующих законов о первородстве, о назначении наследника и установление равного распределения наследства, а также ограничение размеров земельной собственности доходом в 2000 ф. ст. в год.

Гаррингтон облакал «аграрный» закон в возможно более мягкую форму и рекомендовал его как наименее насильственный способ раздробления крупных поместий.

Основное положение гаррингтоновской теории о зависимости между политической властью и распределением земельной собственности пронизывает всю систему взглядов Джефферсона. «Каждое политическое мероприятие, — писал он из Франции в 1787 г., — всегда будет иметь теснейшую связь с законом землевладения»⁷⁵. Так же рассуждал он и на пороге смерти, в возрасте 83 лет.

Свою борьбу за осуществление в Виргинии «аграрного закона», предусмотряемого 13-м пунктом конституции «Океании», он оценивал следующим образом: «Уничтожение закона о назначении наследника сокрушило наследственную аристократию и положило конец действию этого института, который, накапливая в одних и тех же семьях неограниченные массы собственности, уже разделил нашу страну на два различных сословия — аристократов и плебеев. Чтобы ещё более полно установить среди всех граждан равенство, необходимое для сохранения республиканского правительства (разрядка моя. — М. З.), надо было ещё упразднить принцип преимущественного наследования старшим сыном. Составленный мною закон о наследовании обеспечивал равное распределение собственности между всеми детьми»⁷⁶.

Подобно Гаррингтону Джефферсон всю жизнь энергично поддерживал предлагавшееся Гаррингтоном разделение страны на известное количество равных избирательных округов, последовательное осуществление принципа ротации (сменяемости), замещение всех должностей по выбору и на ограниченный срок, с целью обеспечить постоянный приток новых сил в государственный организм и предохранить его от коррупции, и др. буржуазно-демократические принципы, обобщавшие и развивавшие идеи левеллеров. В то же время Джефферсон отвергал некоторые положения Гаррингтона, предназначавшиеся как гарантии от «крайностей демократии», вроде частичного сохранения земельного ценза и т. д.

⁷² Harrington J. Op. cit. p. 211.

⁷³ Там же,

⁷⁴ Там же, стр. 19—20.

⁷⁵ To T. H. Mann Randolph, junior, 6 July 1787. Th. Jefferson «Memoirs. Correspondence». Vol. II, p. 181.

⁷⁶ Thoughts on lotteries, 17 February 1826. Ibidem. Vol. IV, p. 447.

Гаррингтон первым из мыслителей нового времени разработал в «Океании» проект всеобщего обязательного обучения за счёт государства. «В каждом, кто не получает образования,— писал он,— республика теряет гражданина»⁷⁷. Джефферсон и здесь следовал Гаррингтону: и у того и у другого идеи просвещения органически связаны со всей теорией демократической республики в целом.

Будучи материалистом в области теории познания и восприняв материалистическое по своему существу положение Гаррингтона о связи политической власти с распределением собственности, Джефферсон умудрился эклектически соединить это с идеалистическим пониманием общественных отношений и придерживаться теории договора, в то время как уже Гаррингтон, с присущим ему блеском и удивительной для его века эрудицией, критиковал теорию договора за её идеализм. Власть, полемизировал он против Гоббса, есть сила, а сила — это армия; армия же имеет чрево, которое надо кормить, а это, в свою очередь зависит от пастбища, т. е. баланса собственности⁷⁸. Таково, разумеется, несколько наивное, но замечательное для XVII в. истолкование природы политической власти в учении Гаррингтона.

В 1865 г. Маркс писал, что в Америке «возникла впервые, около ста лет назад, идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века»⁷⁹.

Естественно, возникает вопрос, почему идея демократической республики появилась в XVIII в. впервые именно на американской почве и почему переход от монархии к республиканской форме правления произошёл там относительно безболезненно? Почему американец Джефферсон был последовательным республиканцем и без труда перешёл тот рубикон, перед которым останавливались многие из передовых мыслителей европейской буржуазии его времени? Объяснения этих явлений следует искать в решающем для формирования мировоззрения факторе — в окружающей социальной среде, в общественном устройстве американских колоний, опережавшем в известной мере теории европейских мыслителей, в их историческом опыте до 1776 г., в своеобразном соотношении классовых сил.

Над Новым Светом не тяготело феодальное прошлое с его глубоко укоренившейся монархической традицией. «Соединённые штаты,— писал Энгельс,— представляют новое буржуазное государство с самого своего начала. Они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто буржуазное общество»⁸⁰. Условия, в которых жили колонисты до 1776 г., весьма напоминали республиканские порядки, и ко времени разрыва с метрополией колонисты обладали уже полуторавековым опытом внедрения в американские институты и учреждения передовых политических идей, выдвинутых английской революцией середины XVII века. Америка, подобно Голландии XVI в. и Англии XVII в., также с полным основанием может считаться родиной теории естественного права и договорного происхождения государства. На американской почве не только рождались обосновывающие эту теорию произведения, но она была как бы опытной лабораторией, в которой переселенческие религиозные общины производили политические эксперименты.

⁷⁷ Harrington J. Op. cit., p. 202.

⁷⁸ Там же, стр. 20.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. I, стр. 21.

⁸⁰ Энгельс — Даниэльсону, 17 октября 1893. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 328.

Локк, систематизировавший революционную и политическую мысль XVII в. и одновременно старавшийся лишить её революционного содержания, во втором трактате упоминает о коннектикутском богослове Томасе Гукере, за полстолетия до Локка провозгласившем равенство всех людей перед богом и давшим чёткую демократическую договорную теорию построения церкви и государственной власти⁸¹. Составленная под влиянием Гукера конституция Коннектикута усматривала источник власти в свободном соглашении народа, провозглашала выборность магистратов и определяла границы их полномочий. Власть в колонии вручалась народному собранию, избираемому на один год, без религиозного и имущественного ценза. Во главе переселенческой общины — Род-Айленда — стоял друг Генри Вена, Мильтона и Кромвеля, неутомимый искатель религиозной истины — Рожер Вильямс. Его книга «Bloody tenants» расценивалась в Англии как самая опасная ересь. Основанная Р. Вильямсом колония была первой политической организацией нового времени, провозгласившей полное невмешательство государства в дела церкви и распространение терпимости на все христианские религии, а также и на евреев и магометан. После низвержения Карла I Р. Вильямс побывал в Англии и лично содействовал популяризации политических экспериментов, производимых в Новом Свете. Во время реставрации Род-Айленд стал убежищем для изгнанников. Автором конституции Пенсильвании, совместно в Вильямом Пэнном, был участник первой английской революции — Альжернон Сидней, учение которого, отдающее дань демократической идеологии квакеризма, представляло собой важное звено между идеями первой революции и учением Локка.

Во всех колониях, независимо от степени демократизма их политического устройства, господствующей была пуританская идея договора. В большинстве общин были приняты принципы всеобщего мужского избирательного права и прямых выборов губернаторов. Представляется вполне вероятным, что быстрому расцвету радикализма во время гражданской войны в Англии способствовал успех политических экспериментов переселенческих общин в Америке.

Потерпев поражение у себя на родине, радикальные политические идеи английской революции показали достаточную жизнеспособность в иных социальных условиях Нового Света. В предшествующую революционной эпоху умами американцев владел опыт двух, имевших место на протяжении пятидесяти лет английских революций. Джемс Отис, Патрик Генри, Томас Пэн, Томас Джефферсон и другие обращались к опыту английской революции и восхваляли своих предков-цареубийц. Даже священники во время американской революции призывали в своих проповедях к неповиновению королю и парламенту и цитировали Мильтона, Сиднея и Локка. Английские левеллеры XVII в. были первыми в новое время, кто провозгласил идею народного референдума, принцип разделения властей и подчинения исполнительной власти — законодательной. Эту идею у них заимствовал Локк, а у него её заимствовал впоследствии Монтескье, который был обязан ей своей популярностью в Америке.

Молодой Джефферсон, следуя за Лильборном, Уинстенли и левеллерами, старался исторически и юридически обосновать, что земли Америки не были завоеваны Вильгельмом Нормандским и не могут поэтому быть собственностью кого-либо из его преемников, а должны принадлежать возделывающим их труженикам⁸².

Любопытный свет на степень проникновения в мировоззрение Джефферсона традиций английской революции проливает последнее из написанных им перед смертью писем. Оно было посвящено пятидесятилетию

⁸¹ Hooker Th. «A survey of the sum of church discipline». 1648.

⁸² «A Summary view of the Rights of British America». Th. Jefferson «Memoirs, correspondence». Vol. I, p. 110.

Декларация Независимости, в день празднования которого ему было суждено умереть. В нём Джефферсон высказывал желание, чтобы провозглашение независимости США стало для мира событием, призывающим разорвать сковывающие его цепи невежества и монашеского суеверия. «Все глаза открыты, или открываются для познания прав человека, — писал он. — Всеобщее распространение светоча науки уже раскрыло перед всеми ту очевидную истину, что массы человечества рождены не с седлами на спинах, чтобы немногие привилегированные, пришпоривая, правили ими, с помощью закона и милостью божьей»⁸³. Та же демократическая идея, почти буквально в тех же выражениях, более полутора столетия тому назад была высказана кавалеристом кромвелевской армии Ричардом Рамболдом. Последнему пришлось быть у эшафота Карла I; он был также в числе восьми солдат, обратившихся с письмом к Ферфаксу с обвинением Кромвеля в монархических стремлениях и порицанием его «Rule by the Sword» (правление с помощью меча). Перед судом реставрации, приговорившим его к смертной казни, Рамболд заявил о своём убеждении, что «ни один человек не рождается отмеченным богом по сравнению с другими и никто не появляется на свет с седлом на спине, чтобы другие, пришпоривая, ездили на нём верхом»⁸⁴. В письме Джефферсона ему принадлежат лишь слова о «светоче науки», «с помощью закона» и «милостью божьей», характерные для непримиримого врага государственной церкви и просветителя XVIII века. Обстоятельства написания им этих строк на смертном одре исключают возможность непосредственного заимствования. Источник, сохранивший потомству речь скромного солдата английской революции, — XI том свода судебных процессов, — несомненно, был хорошо известен Джефферсону с юношеских лет, когда он изучал английское право.

Привлечённые нами источники со всей убедительностью свидетельствуют о том, что при исследовании вопроса о генезисе идей Джефферсона нельзя ограничиться изучением влияния на него только английской мысли. На примере физиократов и Монтескье мы видели, что Джефферсон испытывал их влияние (и сам это признавал), но, как и Локка, воспринимал их критически. Расходясь с ними по основным для политической теории вопросам, он решал эти вопросы, подобно тому, как это делали представители левого демократического направления французского просвещения и как этого требовали интересы широких масс мелкобуржуазного населения, выразителем стремлений которого он являлся.

Анализ теории демократической республики Гаррингтона показывает, что не Локк, а революционные мыслители середины XVII в. были учителями Джефферсона в республиканизме. Идеи первой английской буржуазно-демократической революции оказывали преобладающее влияние на формирование мировоззрения Джефферсона, потому что они продолжали жить в окружающей его американской действительности и имели решающее влияние на идеологию американской революции 1776 г., сыном которой он являлся. Обогащённые опытом полуторавекового исторического развития колоний и получившие новый импульс в эпоху американской революции, эти идеи продолжали играть первостепенную роль также и в идейном арсенале Великой французской буржуазной революции.

⁸³ To Mr Weightman, 24 June 1826. Th. Jefferson «Memoirs, correspondence». Vol. I, p. 110. Vol. IV, p. 452.

⁸⁴ Цитирую по книге Holorenschaw Н. «The Levellers and the English Revolution», p. 69. London, 1939.